

АНТОН АНДРЕЕВИЧ НИКИТИН

аспирант Института международных отношений, истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
научный сотрудник

Национальный музей Республики Татарстан
(Казань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5923-1140; anton.nikitin.14@mail.ru

НЕИЗДАННЫЙ КУРС «ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДРЕВНОСТИ» Д. Ф. БЕЛЯЕВА

А н н о т а ц и я . Представлен историографический разбор литографированного курса лекций казанского профессора Д. Ф. Беляева «Греческие государственные древности», хранящегося в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Этот не введенный в научный оборот источник, являясь высшей формой концептуализации знания педагога, содержит информацию об уровне методологической культуры и эрудированности ученого и концептуальные положения, позволяющие реконструировать историографический быт Д. Ф. Беляева. Проведенный анализ основан на определении ключевых проблем курса, связывающихся с предшествующей научной традицией и интеллектуальным опытом исследователя, и позволяет установить степень оригинальности авторской концепции. Ключевым положением проведенного исследования является выявление оснований методики казанского ученого и ее влияния на характер полученных результатов. Делается вывод как о новаторском характере примененного Д. Ф. Беляевым подхода, позволившего добиться глубоких результатов в процессе научного творчества, так и о его экспериментальном характере, успешно выражившемся в капитальном труде ученого «Byzantina».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Д. Ф. Беляев, Императорский Казанский университет, византинистика, антиковедение, литографированный курс, университетский устав 1883 года, греческие древности

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин А. А. Неизданный курс «Греческие государственные древности» Д. Ф. Беляева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1273

ВВЕДЕНИЕ

В современной отечественной историографии наблюдается устойчивый рост интереса ученых к институциональной истории отечественного дореволюционного антиковедения [15]. Выходят монографии и отдельные статьи, организуются переиздания капитальных трудов корифеев латинской и греческой словесности, предпринимаются попытки установления специфики русской науки об античности и ее места в мировом гуманитарном знании [3], [6], [12], [13]. Среди этого массива исследований стоит отметить работы, посвященные биографиям отдельных антиковедов [1], [8], [11], появление которых обусловлено прежде всего стремлением историков понять научное творчество через призму жизненного пути его создателей. Одним из примеров этой тенденции может послужить разработка научной биографии крупного казанского эллиниста, доктора греческой словесности Дми-

трия Федоровича Беляева [2], [9], [10]. Среди его научного наследия необходимо отметить ранее не рассматриваемый историографами литографированный курс «Греческие государственные древности»¹, хранящийся в настоящее время в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Указанный курс лекций представлен в виде небольшой книги в твердом переплете, датированной 1886 годом. К сожалению, ни прямых указаний на личность составителя лекций, ни намеков на него в самих записях мы не увидим. Можно лишь точно утверждать, что это был не сам Д. Ф. Беляев, поскольку готовивший издание человек явно отличает себя от автора университетского курса. С внешней стороны это подтверждается особенностями почерка: аккуратный, легко читаемый, с небольшим наклоном вправо – никак не сравнится с той «калиграфией», которая так характерна для стиля Д. Ф. Бе-

ляева. Вероятно, это был бывший семинарист. К такому предположению я пришел в процессе изучения особенностей письма. Многие знаменательные слова имеют запись в виде характерных для церковнославянского языка сокращений с титлом. Эта крайне удобная с позиции экономии материального ресурса (бумаги) и письменной практики система отражена во всем тексте, свидетельствуя о том, что человек, применявший ее, в совершенстве владел ею. Для кого предназначались эти лекции? Как правило, тексты университетских курсов могли литографироваться и издаваться за счет средств самих студентов как пособие для подготовки к экзаменам. 1886 год – время активного внедрения известного университетского устава², в котором проводилась идея насаждения классического образования на историко-филологических факультетах. Некоторые курсы на историко-филологических факультетах российских университетов, не затрагивавшие античность, сокращались или исключались ради увеличения количества часов для преподавания древней словесности, литературы и древностей³. Для контролирования качества образовательного процесса вводились ежегодные поверочные испытания, способные в случае их провала лишить студентов не только стипендии, но и места в университете. В таком случае потребность обучающихся в подобном пособии могла бы представляться более чем актуальной.

Рассматриваемый курс посвящен изложению греческих государственных древностей⁴. Курс состоит из 19 лекций без каких-либо сокращений или пропусков. Содержание вступительной лекции важно для понимания методологических взглядов ученого, поскольку именно в ней он вводит понятие «древности», определяет их природу, источники изучения, а также перечь пособий для студентов. Принимая во внимание ограниченность времени семестра, Д. Ф. Беляев сознательно ограничивается изложением древностей только гомеровского периода и спартанского государства. Лекции 2–12 (л. 6–82) охватывают своим содержанием древности гомеровской эпохи. Ученый обстоятельно рассматривает древности политические, промыслы, военные древности, богослужебные, семейный быт. Больше всего внимания он уделяет древностям политическим и промыслам – по три лекции. Вторая половина курса – лекции с 13-й по 19-ю (л. 82–142) – характеризует древности спартанского государства. Д. Ф. Беляев намеренно начинает свою первую лекцию о Спарте не с государственных древностей, а с характеристики основных

социальных групп. Курс завершается анализом причин гибели спартанского государства.

Остановимся на предшественниках ученого в данной области исследований. В этом отношении необходимо поднять вопрос о содержании термина «древности» в российском антиковедении конца XIX века. Это слово является буквальным переводом существительного *Altertümter*, появившегося в тезаурусе немецкого языка в первой половине XIX века и обозначавшего материальные объекты и литературную традицию, относящиеся к древней истории. С легкой руки В. Ваксмута⁵ термин вошел в научный дискурс историков и филологов, заняв благодаря обозначению непосредственно предмета научного исследования центральное место. Вслед за монографией В. Ваксмута появляется целый ряд работ, посвященных «древностям» за авторством таких светил немецкого антиковедения, как К. Ф. Герман, Г. Шёман, В. Беккер и др.⁶ Российское антиковедение, ориентированное в своих методологических и тематических исканиях на немецкое – ведущее в то время, подхватило эту тенденцию. В концепции первого отечественного опубликованного опыта изложения классических древностей антиковеда К. Ф. Страшкевича древности представляются как все результаты, все следствия жизни древних людей, охватывая сферы общественной и частной жизни и имея своей непосредственной целью изображение картины жизни древнего общества⁷. Схожее определение древностям давал и его преемник, 25-летняя восходящая звезда отечественной археологии В. В. Латышев⁸.

Мы видим полное единодушие ученых в представлении о вспомогательном статусе курса греческих древностей, выражавшемся в стремлении дать учащимся (прежде всего гимназистам) прочную фактическую основу для понимания содержания текстов классических авторов⁹. На мой взгляд, это согласие весьма симптоматично, поскольку отражает глубинные процессы и тенденции, назревавшие в отечественном антиковедении к концу века. Речь идет о столкновении между «филологическим» и «историко-культурным» подходами в отечественном антиковедении [4: 257], [12: 235] в вопросах выбора методики исследования древностей, а также определения их места среди иных источников. Под влиянием совокупности обстоятельств, в число которых входили успехи исторической науки, обращение к опыту смежных научных направлений, падение интереса к «чистой» филологии и неудача в насаждении политики «классицизма», происходит усиление позиций

культурно-исторического подхода [4: 83]. Немаловажную роль в этом процессе играли и заграничные командировки российских антиковедов в Западную Европу, способствовавшие заимствованию у европейских коллег современного взгляда на статус и задачи антиковедения [5: 80–81]. Некоторые российские классики выступают против приоритета литературного изучения памятников письменной традиции, исключительного интереса к грамматическому и этимологическому анализу, продвигая необходимость изучения древности через соприкосновение с памятниками искусства, археологии, этнографии, способных внести живую струю в безжизненную филологическую схоластику и показать подлинное и непреходящее значение античной цивилизации. Конец века ознаменован появлением целой плеяды талантливых представителей так называемого «историко-культурного направления»: В. Г. Васильевский, Ф. Ф. Зелинский, Ф. Г. Мищенко и др.

* * *

Будучи современником, свидетелем и активным представителем этого направления, Д. Ф. Беляев прекрасно понимал двойственность положения классических древностей в проблемном поле гуманитаристики [4: 282]. Весьма интересна попытка самостоятельного определения этих значений, достаточно громоздкая, но все-таки оригинальная, выдающая независимость исследовательского пути казанского ученого. В узком значении под словом «древности» Д. Ф. Беляев подразумевал «изложение истории институтов, учреждений, обычаев и, вообще, быта» (л. 3), отличавшихся неподвижностью, позволяющей не относить их к предмету исторической науки. С другой стороны, несколько необычной выглядит попытка дать определение «древностям» в широком смысле. Для Д. Ф. Беляева в этом отношении рассматриваемый предмет сводится к истории искусства, нумизматике и археологии (л. 3). На первый взгляд может показаться, что эти науки представляют более широкое определение, чем их предмет. Однако читатель не должен упускать из виду, что ученый распределяет по уровням свой научный предмет, исходя из понимания его как отрасли науки. Если в узком смысле «древности» – это именно описание, то в широком – целая наука, применяющая в том числе и генетический метод при изучении «древностей». Таким образом, в отличие от предшественников Д. Ф. Беляев видит в своем предмете именно научную дисциплину, поделенную между филологией и историей. Его в меньшей степе-

ни волнует следственный характер своего предмета, напротив, важным становится именно тот научный метод, с помощью которого изучаются древности исходя из той области, в которую они помещены.

Первая половина курса, посвященная гомеровским древностям, предваряется Д. Ф. Беляевым указанием на важнейшие пособия по разделу. Как специалист по творчеству Гомера, в отличие от К. Ф. Страшкевича и В. В. Латышева, он намеренно останавливается подробно на этой теме. Казанский профессор, когда-то начинавший свой научный путь с диссертации о поэмах Гомера, не мог не отдавать себе отчета в самой сложности историографии гомеровского вопроса и опасности для неокрепших умов запутаться в ее обилии [14]. Поэтому для начала опытный исследователь дает указание на капитальные монографии по гомеровским древностям И. Фридрайха, служащие своеобразным введением в проблематику¹⁰. К этим работам автор курса присоединяет высоко стоявшее в его глазах по причине глубины мысли и точности отдельных идей исследование английского премьера У. Гладстона¹¹. Таким образом, руководствуясь личным опытом и педагогическим долгом, Д. Ф. Беляев с самого начала курса предъявлял к своим студентам высокие научные требования, заключавшиеся в штудировании достаточно сложных по содержанию, объему и языку фундаментальных работ. В качестве источника сведений о греческих древностях «героического времени» он использует исключительно поэмы Гомера.

Собственно гомеровские древности у Д. Ф. Беляева открываются характеристикой государственного устройства Эллады бронзового века. Ключевым источником для формальной реконструкции политической карты греческого мира рассматриваемой эпохи ученый считает «каталог кораблей», который в меньшей степени служит у него источником сведений о самих воинских подразделениях греков (л. 6). Перечисленные корабли, по его мнению, дают бесценную информацию о названиях греческих царств и их количестве.

Начиная свое рассмотрение с института царской власти, Д. Ф. Беляев обнаруживает стойкий интерес к мифологии и первобытной истории, проявляющийся в стремлении истолковать процессы формирования царской власти через вскрытие некоторых из конструктов древних. Например, сам генезис царской власти связывается ученым с формированием в первобытном обществе потребности в сильном, энергичном и обладающем

навыками вожака соплеменника (л. 8). Это увлечение Д. Ф. Беляева мифологией справедливо объясняется той научной школой К. Я. Люгебиля, через которую он прошел будучи студентом Петербургского университета. Как известно, Карл Якимович¹² был одним из ярчайших представителей «культурно-исторического» направления в антиковедении, видя в культурной деятельности древних народов ценный источник для реконструкции их жизни. Достаточно упомянуть имя однокурсника Д. Ф. Беляева Л. Ф. Воеводского, также учившегося у К. Я. Люгебиля и защитившего впоследствии обе свои диссертации¹³ по мифологии греков. Да и сам Д. Ф. Беляев, помимо лекций и общения со своим руководителем в процессе многолетней научной практики в области гомеровских штудий, не мог не учитывать мифологический подход к содержанию поэм.

Дав обширную характеристику политическим институтам ахейской Греции, Дмитрий Федорович переходит ко второй крупной подтеме – народному хозяйству в гомеровский период. Эта скрупулезная и очень разнообразная реконструкция создается ученым как ответ на преувеличенный интерес филологов-классиков к политическим древностям Греции. Немало места у Д. Ф. Беляева уделено главному занятию жителя – земледелию, это намеренный прием ученого, испытывавшего глубокий и живой интерес к повседневной жизни простого сельского населения. Здесь читатель впервые встречается с обширным описанием повседневной жизни гомеровского крестьянина. Д. Ф. Беляев рисует яркую картину нелегкого деревенского быта, сопряженного со множеством сложных ситуаций. В частности, ученый упоминает способ наследования земель по жребию и приводит типологию земельных участков, способы ее возделывания, систему орошения земель, способ вспахивания земли, способ добычи муки (л. 33–35), приводя для большей выразительности целые отрывки из «Илиады», доказывающие справедливость его утверждений. Затрагивая описательный подход Д. Ф. Беляева к исследуемому материалу, нельзя не отметить того влияния, которое на негоказал И. Е. Забелин – один из основоположников «бытописательства». Причины принятия этой методологии имеют гораздо более глубокие корни, нежели может показаться на первый взгляд. Ввиду иной цели моего исследования я ограничусь изложением сущности и назначения этого подхода. «Бытописательство» представляет собой реконструкцию явления прошлого на основании

хорошо подготовленной и выверенной факто-логической основы. Факт становится ключевой категорией бытописателя, именно от фактов зависит успешность реконструкции прошлого. В процессе исследовательской практики каждому из предметовдается восстановленная «биография», его собственное «лицо». Восстановленная система предметов образует полную и исчерпывающую картину жизни человека в прошлом. Иными словами, вся эта крайне сложная в процессуальном отношении работа была направлена на всестороннюю реконструкцию быта народа. Быт, по И. Е. Забелину, представлял собой продукт природы, обладавший великой жизненной силой, вдохновляющей народ. Исходя из самой природы [7: 37], быт одновременно становился источником, из которого брали начало все основные формы жизни народа и государства (л. 36–37), выступая в роли первоосновы всех институтов. Таким образом, избранная Д. Ф. Беляевым чрезвычайно сложная методика продиктована не столько желанием отобразить прошлое греков во всей его полноте, сколько стремлением через реконструированный быт как можно лучше уяснить саму сущность всех государственных и общественных институтов, составлявших предмет «древностей».

Вторая половина лекционного курса охватывает древности спартанского государства. Как и в предыдущих лекциях, основополагающим мотивом для подобного выбора послужил характерный для ученого логический переход, позволявший удачно соединять окончание одной лекции с тематикой последующих и, таким образом, структурировать саму концепцию курса. В данном случае основанием для перехода к спартанским древностям для Д. Ф. Беляева послужило сходство социально-политического уровня развития гомеровской Греции и Спарты, находившее выражение в постепенном ослаблении царской власти в пользу «выборных республиканских учреждений» (л. 82).

Ввиду социальной специфики Спарты анализ ее древностей предваряется характеристикой основных групп общества. Рассмотрение структуры начинается вопреки ожиданиям публики не со спартиатов – социальной элиты государства, а с самой угнетенной группы – илотов. Естественно видеть искренне сочувственное отношение Д. Ф. Беляева к социальной группе, лишенной всякой правовой защиты. Особенно возмутительна в глазах исследователя практика криптии (л. 85). Эта несправедливость намеренно выделяется перечислением тех безусловно по-

лезных функций, которые илоты исполняли ради своих господ, последние в благодарность за это «умели чужими руками жар загребать» (л. 88). Материал источников послужил Д. Ф. Беляеву для манифестирования своих политических взглядов. Говоря о спартанатах, он затрагивает малоосвещенный вопрос внутреннего имущественного неравенства внутри самих спартанатов. Если К. Ф. Страшкевич и В. В. Латышев видят в причинах расслоения введение законодательства Ликурга, делившего спартанатов на гомеев и гипомейонов по степени участия в исполнении гражданских обязанностей¹⁴, то Д. Ф. Беляев придерживается иного мнения – постоянные войны уничтожали спартанатов, а оставшиеся после них участки земли концентрировались в руках немногих лиц, усиливавших свое могущество и постепенно подчинивших себе разорившихся соотечественников (л. 95). По Д. Ф. Беляеву, это обстоятельство стало одним из факторов будущего краха Спарты (л. 96).

Особой глубиной и точностью отличается установление Д. Ф. Беляевым причин возникновения милитаристского характера Спарты. Если для В. В. Латышева этот феномен был обусловлен потребностью в надежном войске¹⁵, заставлявшей превратить страну в вечный военный лагерь, то Д. Ф. Беляев, исходя из своей концепции противопоставления народа власти, усматривает корни специфического государственного устройства спартанского государства в противостоянии зависимых илов и господствующих спартанатов (л. 121). Постоянное опасение за свою власть и жизнь вынуждало спартанатов находиться в готовности к ведению боевых действий. Данная отличительная черта определяет, как показывает Д. Ф. Беляев, всю организацию не только государственного, но и частного быта. Это пример того, как политическая составляющая концепции исследователя положительно оказывается на решении одного из частных вопросов.

Анализ причин падения Спарты у Д. Ф. Беляева также отличается оригинальностью. Если К. Ф. Страшкевич главной причиной считал разращение нравов, а В. В. Латышев – надорванность государства в сочетании с роскошью и застоем элиты, то Д. Ф. Беляев в качестве такой первопричины выделял начало чеканки золотой и серебряной монеты во время Пелопонесской войны (л. 139), приведшей к разрушению всего предшествовавшего уклада жизни. Чувствуя неубедительность своего объяснения, ученый добавляет традиционные внешнеполитические

причины, прежде всего утрату Мессенской области – источника земельных наделов спартанатов. Все это построение дополняется внешнеполитической канвой, разворачивающейся натянутый тезис ученого. Более основательно представление В. В. Латышева, избегавшего сведения первопричин к отдельным фактам. Замечателен по своему гуманистическому содержанию приговор ученого Спарте. Спарта исчезла из истории, потому что не заботилась о культтивировании образования. Напротив, Афины, этот «центр высшей образованности» (л. 142), снискали в глазах римлян и всех последующих народов вечную славу оплота цивилизации. Таким образом, в интерпретации исторического значения спартанского государства Д. Ф. Беляев остается верен популярной в 1860-х годах идее спасительности просвещения и его неоспоримого влияния на политические преобразования в стране, раскрывая свои собственные педагогические взгляды, сформированные в эту бурную интеллектуальную эпоху в истории России.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ курса убедительно говорит в пользу его передового характера. Прежде всего, замечательным является его оригинальность: несмотря на то что Д. Ф. Беляев иногда опирается на материалы К. Ф. Страшкевича и В. В. Латышева, курс несет на себе отпечаток исследовательского духа ученого, видевшего материал иначе, чем его предшественники. Меньше всего следует видеть в работе компиляцию. Если предыдущие «Очерки древностей» были прежде всего описаниями, рассчитанными на гимназический круг читателей, то в своем университете курсе Д. Ф. Беляев совместил описание с оформленной концепцией. Реконструируемая концепция, состоявшая в противопоставлении правящей прослойки широким народным массам, имела свои корни, вероятно, в биографии филолога и его политических пристрастиях. Это служит намеренным противопоставлением, умело созданным за счет оттенения некоторых качеств каждой из сторон, проходит красной нитью через лекции, служа одновременно основанием для структурирования и распределения обильной фактической информации, почертнутой автором самостоятельно из античных источников. Не менее ценным является авторское понимание «древностей», их структуры и источников. Видно, что мысль филолога непрерывно работала над этими вопросами, пытаясь дать наиболее приемлемое и подходящее для курса определение.

Самостоятельность поисков Д. Ф. Беляева выражается также в насыщении текста многочисленными греческими терминами, погружающими слушателей в мир ушедшей цивилизации. Эта особенность имеет свои основания в наиболее замечательной черте курса – «бытописательской» методике, нашедшей спустя несколько лет наиболее яркое воплощение в капитальных томах серии «Byzantina». Рассмотрение связи этих двух трудов представляется перспективным для понимания их преемственности, и прежде всего степени усвоения и корректирования ученым избранной методики. Итак, отказавшись от традиционного для «древностей» описания, ограниченного своими эпистемологическими возможностями, Дмитрий Федорович решил обратиться

к достаточно новой, а самое главное – основательной и нашедшей признание академического круга – методике, научно обоснованной великим российским историком и археологом И. Е. Забелиным. Благодаря ей Д. Ф. Беляев смог «оживить» свое повествование, восстановив когда-то реальные картины жизни прошлого в ее сложности и противоречивости. В результате этих исканий и опытов казанский профессор смог создать в высшей степени увлекательный текст, позволяющий читателям и слушателям ощутить подлинный дух эпохи и попытаться разглядеть за сложной картиной быта живых людей. Это новая особенность творчества Дмитрия Федоровича Беляева, увековеченная впоследствии его знаменитыми византийскими штудиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Греческие государственные древности: Лекции ординарного профессора Д. Ф. Беляева. Казань, 1886. 142 л. Далее цитируется по этому источнику с указанием номера листа в скобках.
- ² Общий устав Императорских российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX. Стб. 985–1026. Прямое указание на усиление классической подготовки студентов содержится в «Правилах об экзаменационных требованиях в испытательных комиссиях»: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 621–622.
- ³ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. Т. 2, № 2. С. 168–170.
- ⁴ О содержании понятия «древности» будет сказано ниже.
- ⁵ Wachsmuth W. Hellenische Altertumskunde. Halle, 1826–1830. 4 Bde.
- ⁶ Becker W. A. Charikles. Bilder altgriechischer Sitte zur genauer Kenntnis des griechischen Privatlebens. 2 Aufl. Berlin, 1854. 3 Bde.; Hermann K. F. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, aus dem Standpunkte der Geschichte. Heidelberg, 1831–1852. 3 Bde.; Schaaff L. Antiquitaten der Griechen. 4 Ausg. Magdeburg, 1837. 121 S.; Schoemann G. F. Griechische Alterthümer. Berlin, 1855. 542 S.
- ⁷ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей, составленный К. Ф. Страшкевичем, бывшим адъюнкт-профессором древней классической словесности в Университете св. Владимира, дополненный описанием Афин с планом древнего города. 2-е изд. Киев, 1874. С. 1.
- ⁸ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1888. Часть 1-я. Государственные и военные древности. С. 1.
- ⁹ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей... С. 1; Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. V.
- ¹⁰ Friedreich J. B. Die Realien in der Iliade und Odyssee. 2. Aufl. Erlangen, 1856. 788 S.
- ¹¹ Gladstone W. E. Studies on Homer and the Homeric age. Oxford, 1858. 3 vols.
- ¹² Ернштедт В. К. Люгебиль, Карл Якимович// Биографический словарь университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 412–415; Он же. К. Я. Люгебиль (некролог) // Сборник статей по классической филологии Виктора Карловича Ернштедта. СПб., 1907. С. 328–341.
- ¹³ Воеводский Л. Ф. Канниализм в греческих мифах: Опыт по истории развития нравственности. СПб., 1874. 397 с.; Он же. Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1881. Ч. 1. 235 с.
- ¹⁴ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей... С. 200; Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. 51.
- ¹⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. 70.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаргина Е. Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: из истории русской науки (1867–1916 гг.). СПб.: Нестор-История, 2004. 467 с.
2. Беляева Е. Г. Беляев Дмитрий Федорович // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 590.
3. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.

4. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. и библиогр. словарь-указ. И. В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. 831 с.
5. Гицевич Е. С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 80–86. DOI: 10.17223/15617793/478/10
6. Дружинина И. А. Изучение античности в Казанском университете. XIX – 20-е годы XX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. 156 с.
7. Забелин И. Е. Государев двор, или дворец. М.: Книга, 1990. 312 с.
8. Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византинистики в России. СПб.: Алетейя, 2004. 475 с.
9. Смышляева В. П. Беляев Дмитрий Федорович // Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление: Биографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наукоемкие технологии, 2021. С. 49–51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdannye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologi-klassiki> (дата обращения 02.07.2025).
10. Смышляева В. П. Беляев, Дмитрий Федорович // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: В 3 т. / Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. I: А–К. С. 45–48.
11. Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученыe труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–282.
12. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
13. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 604 с.
14. Шичалин Ю. А. Гомер – исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник ПСТГУ. 2020. № 64. С. 9–35. DOI: 10.15382/sturII202064.9-35
15. Юдин А. В. Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о древней Греции и древнем Риме? // Наука и школа. 2010. № 1. С. 115–121.

Поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Anton A. Nikitin, Postgraduate Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Researcher, National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5923-1140; anton.nikitin.14@mail.ru

UNPUBLISHED COURSE OF LECTURES “GREEK STATE ANTIQUITIES” BY D. F. BELYAEV

A b s t r a c t. The study presents a historiographical analysis of a lithographed lecture course “Greek State Antiquities” by Kazan Professor D. F. Belyaev, stored in the Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University. This source, which has not been introduced into scientific circulation, being the highest form of conceptualization of teacher’s knowledge, contains not only information about the level of methodological culture and erudition of the scholar but also certain conceptual provisions that help to reconstruct the historiographical routine of Professor Belyaev. The analysis is based on the identification of the key problems of the course related to the previous scientific tradition and the scholar’s intellectual experience, allowing to establish the degree of originality of the author’s concept. The primary goal of the conducted research is to identify the foundations of the Kazan scholar’s methodology and its influence on the nature of his results. The conclusion is that the innovative nature of the approach applied by D. F. Belyaev led him to achieving profound results in the process of his scientific work and that the experimental nature of his research was successfully embodied in his magnum opus, *Byzantina*.

K e y w o r d s : D. F. Belyaev, Imperial Kazan University, Byzantine studies, antiquity studies, lithographed course, 1883 university charter, Greek antiquities

F o r c i t a t i o n : Nikitin, A. A. Unpublished course of lectures “Greek State Antiquities” by D. F. Belyaev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1273

REFERENCES

1. Basargin, E. Yu. The Vice-President of the Imperial Academy of Sciences P. V. Nikitin: from the history of Russian science (1867–1916). St. Petersburg, 2004. 467 p. (In Russ.)

2. Belyaeva, E. G. Belyaev Dmitry Fyodorovich. *Orthodox encyclopedia*. Vol. IV. Moscow, 2002. P. 590. (In Russ.)
3. Buzeskul, V. P. Introduction to the history of Greece. A review of sources and an essay on the development of Greek history in the XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 2005. 672 p. (In Russ.)
4. Buzeskul, V. P. World history and its figures in Russia in the XIX and early XX centuries. Moscow, 2008. 831 p. (In Russ.)
5. Gitsevich, E. S. Overseas business trips of antiquity researchers: content and models for building routes in the late 19th – early 20th centuries. *Tomsk State University Journal*. 2022;478:80–86. DOI: 10.17223/15617793/478/10 (In Russ.)
6. Druzhinina, I. A. The study of antiquity at Kazan University from the XIX century to the 1920s. Kazan, 2006. 156 p. (In Russ.)
7. Zabelin, I. E. The monarchic court, or the palace. Moscow, 1990. 312 p. (In Russ.)
8. Puchkov, A. A. Julian Kulakovsky and his time: From the history of antiquity studies and Byzantine studies in Russia. St. Petersburg, 2004. 475 p. (In Russ.)
9. Smyslyayeva, V. P. Belyaev Dmitry Fyodorovich. *Russian classical philologists of the XIX century: the "Germanic" direction: Biographical dictionary*. St. Petersburg, 2021. P. 49–51. Available at: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdannye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologи-klassiki> (accessed 02.07.2025). (In Russ.)
10. Smyslyayeva, V. P. Belyaev, Dmitry Fyodorovich. *Dictionary of Saint Petersburg antiquity researchers of the XIX – early XX centuries: In 3 vols.* St. Petersburg, 2021. Vol. 1: A–K. P. 45–48. (In Russ.)
11. Tunkina, I. V. V. V. Latyshev: Life and scholarly works (based on his handwritten heritage). *The handwritten heritage of the Russian Byzantine researchers in Saint Petersburg archives*. St. Petersburg, 1999. P. 172–282. (In Russ.)
12. Tunkina, I. V. Russian science of classical antiquities in southern Russia (XVIII – mid-XIX centuries). St. Petersburg, 2002. 676 p. (In Russ.)
13. Frolov, E. D. Russian science of antiquity: Historiographical essays. St. Petersburg, 2006. 604 p. (In Russ.)
14. Shichalin, Yu. A. Homer, the source and bond of European civilization. *St. Tikhon's University Review*. 2020;64:9–35. DOI: 10.15382/sturII202064.9-35 (In Russ.)
15. Yudin, A. V. Evolution of science about the ancient history in the beginning of the XX-th century: end of classical or start of modern science about Ancient Greece and Ancient Rome? *Science and School*. 2010;1:115–121. (In Russ.)

Received: 10 November 2025; accepted: 24 December 2025